

УДК 821.161.1-3:17.022.1

СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В. НИКОЛАЕВА

Ключевые слова: монтаж, мотив, событие, тема, духовные ценности.

В статье рассматриваются формальные и содержательные особенности книг В.Николаева. Особое внимание уделяется проблеме определения основных ценностных ориентиров в создаваемой картине мира.

Обращение авторов к особому способу формальной организации текста – к человеческим головам – в каждом конкретном случае имеет свои причины. Но определяющим фактором, на наш взгляд, является особая острота затрагиваемой тематики, когда вымысел бледнеет перед фактами реальной действительности и задачи автора состоят в том, чтобы преобразовать, сохранив содержание, услышанные истории в единое текстовое пространство, с тем чтобы представить определенную систему ценностных ориентиров. Данный принцип в творческой деятельности В. Николаева стал ведущим и последовательно проявил себя уже в трех книгах: «Из рода в род» (2003), «БезОтцовщина» (2008), «Время подумать о главном» (2011). Автор отстаивает право на представление читателям особой модели реальности, сконструированной из документальных свидетельств, которая включает в себе анализ этой реальности, её оценку и духовный опыт собственной личности. В творчестве В.Николаева эта модель становится формальным способом выражения его авторского миропонимания, а значит правомерно определить её как жанровую, характеризующуюся определенным набором устойчивых свойств.

Книги «Из рода в род» и «БезОтцовщина» имеют жанровое определение – документальная повесть. Книга «Время подумать о главном» имеет подзаголовок, также указывающий на жанровое своеобразие: «Шамординские истории». Документальные свидетельства, собранные автором, преобразуются и распределяются в рамках пространственно-временного единства, связанного с развитием общего сюжета, что обеспечивает внешнее сходство с повестью. Позиция автора выражается открыто и декларативно, что позволило исследователям и коллегам-писателям усомниться в художественности данных произведений. Так, по поводу книги «Из рода в род» Е.Местергази замечает: «Книга Николаева ближе к святоотеческой традиции, чем к литературе светской. Хотя автор и не проповедует напрямую, но достаточно жестко проговаривает читателю те истины, которые исповедует. Отсюда возникает эффект: именно вкрапления из писем заключенных, т. е. собственно документы, выполняют в книге эстетическую функцию. Автор же как повествователь назидателен и не скрывает этого. Если бы не письма заключенных, эта книга не была бы повестью и скорее носила бы публицистически-просветительский характер» [1, с.86]. В.Ганичев высказывает сходные суждения: «Я бы не считал новую книгу завлекательным, блещущим авторским заумием художественным произведением. Это куски жизни и боли, вырванные из разных мест нашего бытия и требующие заживления, лечения и после этого некоей трансплантации в общество, в семью» [4, с.202]. В данных высказываниях признается значимая структурообразующая функция монтажа зафиксированных документальных свидетельств, являющегося основным способом формальной организации книг В.Николаева.

В предисловии к книге «Из рода в род» автор открыто обращается к читателям, определяет тему повествования – тюрьма как «землетрясение души, попущенное Богом», знакомит со своими героями, каждый из которых «представляет отдельно взятое исправительное учреждение России. В то же время он является подлинным прихожанином своего тюремного храма» [2, с.32]. В судьбах заключенных автором усматривается общая «родовая беда», позволяющая в каждом конкретном преступлении заметить нарушение законов, определяющих передачу духовного опыта от поколения к поколению: «По мере углубления в тюремную тему, я понял, что война за людские души, которая сегодня ведется в государстве, страшнее, чем война физическая. Более изощренная, циничная, наглая, жестокая, поражающая не отделение и полк, а весь род. Тысячи родов. Срубается не «ветвь всякого древа, не приносящего плода» – вырубается целые родовые сады. В тюрьмах порой сидят уже не кто-то из семьи, а целые семьи: муж, жена, мать» [2, с.9]. Обозначенная автором тема обогащается и возникает мотив, соединяющий отдельные истории в единое повествование, – мотив духовного очищения людей, находящихся в исправительных учреждениях. Пишет автор без желания шокировать публику, не склонен он и смаковать жестокости тюремной действительности, писатель, скорее, предлагает читателю задуматься и сделать самостоятельный вывод.

Основной текст книги «Из рода в род» разбит на 12 глав. В. Николаев организует повествование данной книги, накладывая его на молитвенные песнопения Божественной литургии. По словам Е. Местергази, «автору удаётся совместить два временных пласта: пласт первый – сегодняшняя Воскресная служба в тюремном храме Святителя Николая, на которой присутствуют заключённые. Этот временной пласт, обозначенный в самом начале и в самом конце, внутри повествования в каждой главе «всплывает» словами молитвенных песнопений Божественной литургии. Последняя, 12 глава так и называется «Со страхом Божиим...» – словами, которыми начинается Причастие Св. Христовых Тайн. Второй временной пласт – ретроспективный. Автор повествует о судьбах своих героев. При этом в некоторых главах автор прямо выступает в роли повествователя, перемежая иногда свое повествование отрывками из подлинных писем заключенных» [1, с.81].

В реальной жизни судьбы героев не имеют точек соприкосновения, но в моделируемой автором реальности они связаны событием совершаемой Божественной литургии. В пространственной организации повести также можно выделить несколько слоев: описание внешнего мира присутствует только в воспоминаниях героев, а внутреннее пространство претерпевает значительные изменения, постепенно преодолевая ограниченность зоны, перемещаясь в тюремный храм и заполняя пределы души человека, где происходит его очищение и перерождение.

Услышанные истории автор передает своими словами, фокусируя внимание на содержании, а не на особенностях манеры говорения. Вероятно, и письма заключенных, которые вставляются в основное повествование, подвергаются литературной обработке. Единство авторского текста на вербальном уровне поддерживается концептуально. В событийных рядах, выполняющих важную конструктивную функцию, прослеживается повторение и развитие определённых идей. Жизнь и возможность продолжения рода, по мысли автора, есть основной ценностный ориентир, определяющий систему миропонимания. Данные представления в виде отдельных мотивов пронизывают всю книгу, позволяя проследить динамику их смыслового развития. Род являет собой последовательный ряд поколений, происходящих от одного предка. От того, какие духовные ценности транслируются по этим каналам, зависит будущее каждой отдельной семьи: «Берегите свой род, как святую землю» [4, с.173]. С такой позиции отбывание срока наказания рассматривается как «расплата за родовый грех», но полное освобождение возможно только после внутреннего осознания личной вины. Собственные страдания должны поддерживать желание уберечь своих детей от подобных жизненных «уроков», что способствует укреплению истинных «родовых отношений».

Многие из тем, затронутых в повести «Из рода в род», найдут продолжение в следующих книгах В. Николаева «БезОтцовщина» и «Время подумать о главном». Разрушение «родового корня», по мнению автора, является одной из главных причин детской преступности: «Детская преступность во многом корнями уходит в наши родительские отношения. Дети живут, копируя родительское поведение и родительские грехи» [2, с.15]. Определяя предмет исследования повести, В. Николаев отмечает: «Я вновь хочу рассказать о том, что видел и прочувствовал лично» [3, с.7]. Автор подчеркивает приоритет субъективности и при этом признает трудную роль слушателя, поскольку на душевное, а то и на физическое восстановление после откровенных бесед требуется немало времени. «Главное, что вдохновляет на подобную работу, – пишет автор, – это искренность тех, кто, несмотря на все лишения и трудности, желает очистить душу» [2, с.22].

Вступительное слово начинается с письма, в котором его автор («Саша из мест лишения свободы») просит наставления и совета «...научите, как полезно жить». Ответом на эту просьбу становится книга, составленная из писем, бесед, монологов-откровений. В целом, и речь услышанная, и слово письменное подвергаются литературной обработке, объясняется это тем, что многие подростки от волнения и от неумения выразить свои чувства переходили на специфический лагерный жаргон. Использование ненормативной лексики отражает безграмотность и духовную пустоту. «Однажды, – пишет автор, – мне пришло благодарственное письмо от подростка из колонии, которое больше, чем на половину, было написано... матом! И не оттого, что он это сделал специально, а потому что он других слов просто не знает!» [2, с.25]. Это объясняет и то, что ведущую позицию занимает автор-повествователь, который описывает своих героев, подробности их бесед. Писатель говорит о том, какое впечатление производят на него встречи с подростками: большинство из них сильно озлоблены, замкнуты, никому не доверяют, но, разговорившись с ними, начинаешь понимать, что они хотят одного – обыкновенной родительской любви, изначально отсутствие которой и становится причиной их тюремного заключения.

Автором используется особая графика для написания названия книги «БезОтцовщина»: корневая морфема написана с заглавной буквы, что значительно обогащает смысловой потенциал слова. Отказ от определённости значений и закреплённых в слове смыслов приводит к тому, что читатель воспринимает слово не в прямом значении (жизнь и воспитание ребёнка без отца в семье),

а стремится постичь авторские интенции, обуславливающие существование данного слова на границах смыслов. Корень многих существующих проблем в современном обществе, по мнению автора, надо искать в революции семнадцатого года и расстреле отца-царя и царской семьи: «Для России отсутствие царя-монарха в государстве и потеря отца в семье, как кормильца, понятие единое» [2, с.39]. «Страна брошенных детей» не в состоянии защитить себя и обеспечить процветание своим будущим детям. В слове «отец» актуализируется еще одно значение: многие из героев впервые используют его, обращаясь так к священнику. Осторожно выговаривая, они постепенно прикипают к звучанию, потом начинают произносить уверенно, с пониманием подлинного смысла.

Структурная организация книги «БезОтцовщина» такая же, как и в предыдущей: содержание состоит из 12 глав, которые обрамляются предисловием «От автора» и заключением. Услышанные рассказы не только составляют сюжетную основу, излагаемую автором, но и выступают в виде самостоятельных документов, вмонтированных в повествование. Истории героев, точнее предыстории их заключения, последовательно включаются в описание одного дня тюремного пребывания от момента подъема до отбоя. В начале повествования автор представляет читателю основных героев, далее знакомит с их судьбами, а наличие дополнительного единого события придает законченность действию и позволяет в конце показать изменившихся героев, что придает композиционную завершенность самому основному событию. Автор, используя моделирующие свойства события, преодолевает дискретность и фрагментарность повествования и усиливает связность текста.

В структурной организации книги «Время подумать о главном» автором выделено 10 глав, содержание которых связано общим сюжетом – паломничеством в Шамординскую обитель. В своем обращении к читателям автор расширяет пространство книги, поскольку все рассказанное в этой книге можно распространить на все монастыри России, «куда едет, идет, а порой буквально ползет человек, чтобы найти утешение, получить совет на извечный вопрос: “Как жить дальше?”» [3, с.5]. Особенностью повествовательной организации данной книги является доминирование речи автора-повествователя: именно в его изложении мы знакомимся с историями героев, ищущих «свою дорогу к храму». Отдельную повествовательную линию в данной книге составляет развитие темы «мать, зона и тюрьма». Утрата чувства материнства и безответственное отношение к судьбам собственных детей, по мнению автора, – причина многих проблем в современном обществе. Автор вновь использует приём наложения двух временных планов, движущихся в разных направлениях. Единство пространственно-временной организации (служба в храме, описание одного тюремного дня, паломничество в монастырь), связующее судьбы отдельных героев, необходимо автору, для того чтобы показать их внутренне развитие, точнее возможность их нравственного перерождения.

Итак, В.Николаев создает свои книги на основе услышанных историй, направляясь от изучения остросоциальной проблематики к исследованию внутреннего пространства человека. Организовать себя как целостную личность, восстановить распавшееся внутреннее единство героям В. Николаева становится возможным только после покаяния. Основным ценностным ориентиром в художественной системе В.Николаева является семья – родовое единство, питающее корни и поддерживающее нравственный рост подрастающих поколений.

Литература

- 1 Местергази, Е.Г. Литература нон-фикш / non fiction. Экспериментальная энциклопедия / Е.Г. Местергази. – М. : Совпадение, 2007. – 328 с.
- 2 Николаев, В.Н. БезОтцовщина / В.Н. Николаев. – М. : Софт Издат, 2008. – 200 с.
- 3 Николаев, В.Н. Время подумать о главном. Шамординские истории / В.Н. Николаев. М., 2012. – 192 с.
- 4 Николаев, В.Н. Из рода в род / В.Н. Николаев. – М. : Софт Издат, 2006. – 206 с.

N. A. Sivakova

Gomel State University named after F. Skorina
e-mail: sivakovan@mail.ru

The system valuable reference points in the work by V. Nikolaev

Key words: montage, motive, event, theme of spiritual values.

The article deals with the structure and semantic features of the books V. Nikolaev. Particular attention is paid to the problem of determining the fundamental valuable reference points in the emerging picture of the world.